

Равочкин Н. Н.
N. N. Ravochkin

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЫБОРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

IDEOLOGICAL DETERMINATION OF CHOICE-MAKING IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

Равочкин Никита Николаевич – соискатель кафедры философии Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (Россия, Кемерово); тел. 8(923)5252021.

E-mail: nickravochkin@mail.ru.

Mr. Nikita N. Ravochkin – PhD Applicant, Department of Philosophy, T. F. Gorbachev Kuznetsk Region State Technical University (Russia); tel. + 8(923)5252021. E-mail: nickravochkin@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу понятия «идеологический плюрализм», определению его основания, связи с политическим плюрализмом, а также проблеме реализации права человека на осознанный выбор в условиях демократического общества.

Summary. The paper is focused on the theoretical analysis of ‘ideological pluralism’, on the identification and clear definition of its foundations and its relations to political pluralism, as well as on the problem of exercising one’s right to make a conscious choice in the context of a democratic society. The main functions of ‘ideological pluralism’ is to promote the development and articulation of the political interests of different social groups and preservation of the integrity of a democratic society.

Ключевые слова: плюрализм, идеология, интеграция общества, человеческий выбор, национальная идея.

Key words: pluralism, ideology, integration of society, human choice, national idea.

УДК 316.33

В условиях современных наций-государств плюрализм – это не только природное и необходимое условие существования. Он получил легитимацию как в социально-экономической, так и политической жизни. Сегодня термин «плюрализм» в отечественной политической науке в определённой степени используется как своеобразный неологизм.

Следует отметить, что проблему плюрализма изучали многие представители западноевропейской философской мысли (Й. Шумпетер, Ф. Хайек, Д. Грей, И. Берлин, Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти, П. Рикер, Ш. Эйзенштадт, И. Валлерстайн, А. Хёффе, Ю. Хабермас, П. Штомпка, Бек, М. Велькер и другие исследователи), предметом внимания которых становились теоретические аспекты развития современного общества.

В рамках современной науки сформировалась традиция, согласно которой плюрализм рассматривается как форма и принцип политического устройства демократических обществ, в основе которых положены диффузия власти, разнообразие интересов, которые находят своё выражение в политических партиях и других институтах гражданского общества и способны влиять на политическую власть (работы западных и российских учёных: Р. Даля, А. Демидова, В. Иноземцева, Б. Капустина, С. Липсета, А. Панарина, А. Роуза, О. Салмина, Дж. Сартори, Л. Сморгунова, К. Сорокина, Д. Трумэна и др.).

Осмысленность человеческого бытия зависит от степени его осознанности, степени проникновения субъекта в универсальный смысл человеческой культуры. Проанализировав основные этапы исторического развития человечества, видим, что символический образ возложения смысловых ориентиров, присущий мифологическому и религиозному сознанию, уступает место рассудочному способу конституирования предельных основ человеческой жизнедеятельно-

сти. Новое время в этом контексте осуществляет окончательную переориентацию человека с Инобытия на рациональную организацию в пространстве и времени, поэтому эта эпоха становится эпохой великих идеологических мировоззрений. Процесс секуляризации и «одушевления» земного приводит к увеличению роли идеологии в общественной жизни. Она является важным и необходимым условием нормального функционирования социальной системы.

Основными сферами существования идеологии является политическая и социально-экономическая сферы общественного бытия. Доминирование последних в условиях глобализации современного мира влечёт за собой распространение влияния идеологии на жизнедеятельность индивидов. Соответственно, увеличивается идеологическая обусловленность формирования ценностей, смыслов и идеалов жизнедеятельности отдельной личности.

Человек есть существо, которое значительно превышает свои социальные, национальные или государственные рамки. Смыслообразование – это процесс наполнения человека субстанциональным содержанием, его приобщения к всеобщему началу. Частичные, партикулярные интересы не в состоянии заполнить метафизическую потребность в Абсолютном, в соприкосновении с трансцендентным. Известно, что трансцендентное может быть дано человеку через имманентное. Абсолютное является основой нас самих, образует нашу внутреннюю суть. Абсолютизируя частичные, относительные и абстрактные моменты общественной жизни, человек ставит их на место основы собственной жизнедеятельности, которая начинает полностью определяться идеологией.

Идеология является эффективным способом упорядочения эмпирического измерения человеческого существования, однако, по мнению автора, её претензии на определение ноуменального измерения являются неправомерными. Подобная практика приводит к расщеплению целостного образа личности, к её абстрактности и односторонности. Идеология является прагматичной и активной формой сознания, соответственно, она становится рассудочным способом ориентирования в мире. Как известно ещё со времён Канта, рассудочное мышление не в состоянии решить предельные проблемы человеческого бытия, а проблема смыслового предела человеческой жизнедеятельности является именно такой.

Таким образом, идеология, по нашему мнению, выступает превращённой формой духовного самоопределения индивида. Потребность в полноте, универсальности и целостности человеческого способа существования и в его соотносённости с метафизическими смысловыми ориентирами решается в этих пределах рассудочного мышления. Идеология выступает в роли компенсации, пусть и весьма действенной, но иллюзорной формы, утоляющей жажду в Абсолютном в сфере социума. Именно относительный и абстрактный характер смысла жизнедеятельности предлагается идеологией, что является причиной, по мнению автора, хронического «кризиса смысла», который охватил человечество, начиная с конца XIX века.

Проанализировав взгляды социологов начала XX века, видим, что идеология мыслится ими как необходимый элемент общества, который детерминирует сознание индивидов, однако без сопричастности к безусловным и всеобщим началам эта детерминация превращается в ложную, иллюзорную и пагубную. При замыкании и самоограничении идеологий происходит дистанцирование сферы Абсолютного от смыслополагания.

История осмысления феномена идеологии в таком контексте предстаёт как поиск новых смыслоформирующих ориентиров. Большинство исследователей пытается найти выход из ситуации жёсткой обусловленности сознания идеологией. Единичное сознание должно выполнить сократовский принцип «познай самого себя», должно обратиться к самому себе, стать предметом для себя, открыть в себе всеобщее содержание.

Идеология выполняет конструктивную роль в том случае, когда она осознаётся лишь как момент в тотальности человеческой жизнедеятельности. Процесс преодоления ограниченности своего конечного существования, осознания себя укоренённым в субстанциональных основах мира и является содержанием самосознания. Всеобщее-конкретное необходимо, по нашему мнению, как для единства сознания и самосознания личности, так и для сохранения и развития

элементов самой идеологии. Сфера безусловного, всеобщего-конкретного является формообразующей как для идеологий, так и для всей человеческой культуры.

В русской культуре XIX – начала XX века, как никогда, очень мощно проявились идеологические альтернативы духовному смыслополаганию. В связи с масштабами и интенсивностью идеологического засилья логичным выглядело противодействие этому процессу. Именно таким противодействием и выступает философия Серебряного века.

Российская социокультурная ситуация конца XIX – начала XX века в особо обострённой форме повторяет процесс развертывания идеологии в новый способ смыслополагания. Секуляризация, редукция, возвеличивание своего индивидуального или коллективного «я» и противопоставление его другим индивидам и социальным сообществам характеризуют мировоззренческие особенности революционной интеллигенции того времени. Подобное мироощущение в погоне за земным счастьем теряет отдельного человека, жертвует им ради обожаемого народа – так героизм социальных преобразований, антропоцентризм на самом деле оказывается героизмом самообожествления, что угрожает идеологической редукцией отношения человека к миру и другим людям.

Осмысливая тогдашнюю идеологизированную социальную действительность, мыслители Серебряного века запечатлели механизмы редукции духовных потенций в социальный активизм, внешние поиски «другого царства», прагматическое отношение к миру и конституирование в результате секуляризации «религий земного дела» [9]. Смыслообразование в этом случае находит своё удовлетворение не в становлении универсальной личности, а в адаптации – выборе готовых внешних, социально-утверждённых преобразованных форм.

Несмотря на то что конкретные формы идеологического воздействия на жизнедеятельность субъекта изменились за прошедшие сто лет, его основы остались неизменными, так же как неизменными остались основы идеологии как таковой. И теперь, и в прошлом в ситуациях, которые переживали люди и в которых им приходилось делать нравственный выбор, прослеживается типологическая общность, которая превращает всех нас в «вечных современников».

В рамках религиозной философии Серебряного века сформировался идеал целостного, соборного знания. Его содержание выходит за рамки гносеологической проблематики и мыслится как поиск целостных форм человеческой жизнедеятельности, в которых единичное выражается благодаря всеобщему. В трудах С. Булгакова, Н. Бердяева, Б. Вышеславцева, Н. О. Лосского, П. Новгородцева, Вл. Соловьёва, С. Франка и других раскрываются присущее русской религиозной философии стремление к целостному познанию действительности и сочетание различных сфер человеческого познания в едином процессе миропонимания. Целостное знание трактуется как воссоединение человека и Абсолюта. В его свете определяются предельные определения феномена «идеология» как социального знания. В перспективе такой точки зрения раскрывается относительность и ограниченность последнего.

Западная философская мысль разрабатывает проблему соотношения рациональности выбора человека и социальной детерминации с идеологией с точки зрения иррациональности выбора. Можно определить идеологию моментом исторического развития судьбы Запада – нигилизмом. Она стала своеобразным «да» новым ценностям, которые следуют за «нет» ценностям старым. Таким образом, идеологии предстают как способ возложения новых ценностей, но они носят онтологический характер, т.е. ориентируют человека в пространстве и времени – «вечные» проблемы не входят в их сферу. Если идеология мыслится лишь как часть, как «клей» социальной жизни, тогда она остаётся открытой для других измерений духовной жизни человечества. Однако если идеология полностью определяет смысловые ориентиры человеческого бытия, она исчерпывает собой мировоззренческий горизонт. Провозглашение в такой ситуации ориентирами высших духовных ценностей не выходит за рамки демагогии и нигилизма. Главное, что имманентное отношение человека к миру и другим людям остаётся нигилистическим по своей природе [8].

Ведущую роль в становлении постмодернизма играет М. Фуко. Для его рассуждений характерно подавление личности машиной государства. Власть над жизнью начала развиваться с XVII века в двух основных формах, образующих как бы два полюса власти, между которыми располагается целая сеть промежуточных форм. Первый полюс – власть над телом как машиной: его дрессировка, использование его сил и способностей, увеличение его полезности и управляемости, включение в системы контроля. Для этого развивается целая система различных дисциплинарных институтов – школы, колледжи, казармы, мастерские. В связи с этой системой институтов складываются определённые системы знаний о человеке, характеризующиеся Фуко как «политическая анатомия человеческого тела».

Второй полюс власти над живым образуют формы, построенные позднее, к середине XVIII века. Это власть над телом и связанными с ним биологическими процессами: размножением, рождением и смертью, что выражается в показателях здоровья, продолжительности жизни и т.д. В этой сфере власть осуществляется в виде регулирующего контроля: биополитика популяции.

Право суверена лишить подданного жизни заменяется, по мнению Фуко, администрацией тела и расчётливым управлением жизнью. Такая власть над живым рассматривается как необходимый элемент развития капитализма. Ведь последний не мог бы утвердиться без включения тел в систему производства и приспособления поведения популяции к экономическим процессам. Однако власть над живым требует большего: укрепления тел и увеличения популяции одновременно с увеличением их полезности и управляемости. Для этого и нужно вырабатывать новые методы и приёмы власти, пригодные для управления силами, способностями и склонностями. Такие механизмы и формы производились в самых различных общественных институтах, будь то семья, армия, школа, полиция, медицинские учреждения [10, 246-250].

По мнению М. Фуко, современный человек как общественное существо формируется под давлением карательных-принудительных методов и аппарата власти.

Карательные аппараты власти, существующие в государствах, «основаны на трёх больших схемах: политико-нравственная схема индивидуальной изоляции и иерархии; экономическая модель силы, которая используется в принудительном труде; психико-медицинская модель лечения и нормализации. Тюремная камера, мастерская, больница» [1].

М. Фуко специально обращается к анализу карательных механизмов государственной власти, которые подавляют человеческую личность. В концепции «генеалогии власти» он выделяет три основные разновидности наказания, применявшиеся в разных эпохах. В средневековье главной формой наказания была публичная казнь, которая осуществлялась в виде праздничного театрализованного ритуала. Затем, в эпоху Просвещения, публичную казнь заменили на мгновенную нейтрализацию и ликвидацию нежелательных для системы элементов. Главным же наказанием современной эпохи, которая начинается на рубеже XVIII-XIX веков, является тюремная изоляция.

Развитие общественно-государственной репрессивности тесно связано с формированием представлений о психической норме и патологии. Если в средневековье и в эпоху Возрождения между умом и неразумным существовало органическое единство, то в XVII веке общество разрушило это единство, резко противопоставив ум глупости, что проявилось в создании определённых госпиталей, куда направляли всех, кто не вписывался в жёсткие рамки общепринятых норм. В большинстве таких госпиталей больные содержались как преступники в тюрьме. Психиатрия как область медицины, согласно Фуко, возникла как социальный заказ на изоляцию определённых людей, политическую репрессивность и создание совместных тюремных госпиталей. Именно социально-политические факторы обусловили появление «медицинского восприятия безумия», то есть отделения от других форм неразумного поведения. Это, в свою очередь, связано с тем, что господствующий тип знания («взаимосвязь слов и вещей») зависит от социально-экономических и политических условий жизни общества и действующих государственно-правовых институтов власти [1].

Психическая болезнь во многих случаях приобретает политическую окраску, «пациент» становится жертвой социального контроля вследствие определённых культурных причин [2].

Современное общество надевает «смирительную рубашку» репрессии на каждого человека начиная с его рождения. Как отмечает Р. Лейнг, «то, что мы называем нормой, здоровьем, свободой, все наши пункты отсчёта являются сомнительными и двусмысленными. Человек, который стремится быть скорее мертвым, чем “красным”, считается нормальным. Человек, который говорит, что потерял душу, – сошёл с ума. Человек, который утверждает, что кто-то является низшей расой, может быть достаточно важным. Государственные деятели мирового значения, которые кичатся и угрожают тем, что у них есть оружие Страшного суда, намного более опасны и гораздо более отчуждены от реальности, чем значительное количество людей, на которых нацеплена вывеска “психически больного”» [2].

Механизмы идеологической манипуляции намного сложнее предыдущих: идеология пытается стать смыслом общества, обуславливающим неэффективность традиционной позитивистской «обличительной» критики, которая подчёркивает ошибочность и политическую ангажированность идеологических представлений. Современные западные общества оказались в ситуации, когда политическое status quo поддерживается не столько благодаря «старинной ссылке на метафизическую очевидность» [5], сколько из-за скептицизма и цинизма, которые служат сегодня оправданием политической власти [7].

Проблема идеологии как воплощения и субъективизации общественно-политических структур ставит под сомнение миф об автономном общественном субъекте, который характеризовал политическую мысль Нового времени, субъекте, который был вполне сознательным и ответственным и благодаря этому делал свободный выбор. Как отметил Славой Жижек, идеология выступает при этом как исторически обусловленная дискурсивная Пресуппозиция, которая определяет не только условия деятельности данного субъекта, но и значение этой деятельности [3].

Обычно идеологию определяют как совокупность идей, верований, постулатов, целью которых является убедить адресатов идеологии в своей очевидности и достоверности и одновременно скрыть политическую ангажированность, которая является основой идеологии. При этом содержание идеологии определяется общественно-политической доминацией, а её результат, как указывает Жижек, в значительной степени зависит от того, насколько успешно идеология скрывает этот факт [3].

Именно разорванность и антагонизм социальной реальности заставляют искать целостности, соборности и всеединства. Стремление создать всеобъемлющую идеальную систему упорядочения мира приводит к удовлетворению этой жажды в источниках утопии. Основной проблемой является замещение, подмена абсолютного относительным.

Идеология как смыслообразующий феномен формируется именно благодаря возвеличению части за счёт целого, относительного за счёт абсолютного. Идеологические системы равнодушны к отдельной личности. Идеологически детерминированный индивид выступает не как создатель, он внутренне связан с общечеловеческим культурно-социальным содержанием, а значит не как личность, которая самостоятельно определяет, детерминирует себя. Личность же возникает как свободное начало бытия, значит, это начало не определяется извне, в самое себя вызывает. Но самопричинность возможна при наличии определённой основы, на которую может «опереться» личность. Абсолютное, всеобщее и является необходимой основой самодетерминации личности и альтернативной идеологиям стратегией самоопределения.

И свобода, и творчество, и личность конституируются не в локально-эмпирических рамках, а в трансцендентном, что проявляется для человека через имманентное. Однако трансцендирование, содержание себя во всем требует духовного напряжения, является трагическим по своей природе. Так же трагически переживаются ответственность и свобода. Человек (сознательно или бессознательно) стремится избавиться от этого бремени, он попадает в состояние «потери сознания свободы» (С. Киркегард) и соблазняется идеологией, когда оказывается перед

бездной «вечных вопросов». Последняя подменяет вопрос о человеке общественным вопросом, предполагает отказ от самого себя, от своей самости, остановку поиска истины в пользу «последнего слова», косность мысли и, как следствие, потерю «другого», что является основой для односторонней абсолютизации роли идеологии в общественном бытии.

Выводы. Для современной антропологической мысли особенно остро встала проблема «антропологической катастрофы». Учёные по-разному трактуют причины и последствия этой «катастрофы», однако ощущение трансформации, проблемности исходных принципов человеческой жизнедеятельности является общим для них. Осознание фундаментальных проблем не в конкретных социальных условиях, а в самой ситуации человека было присуще ей всегда. И для того, чтобы это изменить, необходимо изменить себя, а не мир. Речь идёт не о внешних изменениях, а об определённой духовной практике, что приводит к онтологической трансформации, к изменению образа бытия.

Стремление изменить ситуацию собственного фундаментального неблагополучия отображается в феномене покаяния (греческое слово *metanoia*, которое означает покаяние, имеет буквальный смысл «изменение ума», «большое понимание»). Он одинаково присутствует и в религиозных течениях, и различных философских учениях. Не только вера и мораль определяются им. Элементарные требования разумного мышления предусматривают обуздание природного *ego*. Именно через покаяние, через «совестливый опыт» мы видим путь преодоления идеологической ограниченности и предупреждения дальнейшего развития антропологического кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Foucault, M. *Discipline and Panisch: Biath of the Prison* / M. Foucault. – L., 1977. – P. 248.
2. Leech, K. *Youthgnake: The Growth of a Contvter-Culture* / K. Leech. – L., 1993. – P. 123.
3. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; пер. с англ. В. Софронов. – М.: Изд-во «Художественный журнал», 1999. – 236 с.
4. Кристева, Ю. Порождение формулы // Избранные труды. Разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с фр. Г. К. Косиков. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 293-386.
5. Логинов, А. В. Идеология как проблема социальной онтологии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Логинов Алексей Валерьевич. – Екатеринбург, 2004. – 136 с.
6. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – С. 287-372.
7. Мангейм, К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени / К. Мангейм; пер. Н. И. Левиной и др. – М.: Юристь, 1994. – С. 7-260.
8. Медведев, П. Н. Формальный метод в литературоведении / П. Н. Медведев. – М.: Лабиринт, 1993. – 207 с.
9. Молчанов, В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания / В. И. Молчанов. – М.: Модест Колеров и «Три Квадрата», 2004. – 328 с.
10. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко; пер. с фр. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
11. Дугин, А. Г. Философия политики / А. Г. Дугин. – М.: Арктогея, 2004. – 616 с.
12. Ильин, И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм / И. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – С. 78.